

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Яшиной Ксении Ивановны
«Локальные тексты в творчестве Беллы Ахмадулиной»
(Нижний Новгород, 2021),
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Творчество Беллы Ахмадулиной является одним из самых заметных и значительных явлений русской литературы второй половины двадцатого – начала двадцать первого века. Несмотря на то, что после ухода поэтессы из жизни прошло – по историческим меркам – совсем немного времени, масштаб её литературного наследия очевиден уже сейчас и заслуживает самого пристального изучения. Представленная к защите диссертация К. И. Яшиной иллюстрирует и подтверждает такую необходимость.

Предложенный во введении к работе обзор литературы о творчестве Ахмадулиной очень обстоятелен и хорошо демонстрирует высокий интерес к творчеству поэтессы в современном литературоведении. Между тем, при обилии научных проблем, уже заявивших о себе в ахмадулиноведении (проблемы литературного направления, литературной традиции и др.), до появления защищаемой ныне работы оставалась недостаточно раскрытой проблема локальных текстов в творчестве поэтессы. А ведь своеобразная заявка на будущую разработку этой проблемы была обозначена в издательской практике ещё при жизни Ахмадулиной – в изданиях избранного, структурированных как раз по локально-тематическому принципу (см., например: Ахмадулина Б. Стихи. Поэмы. Переводы... / Сост. Б. Мессерер, Л. Быков. Екатеринбург, 1999). Назревшая необходимость рассмотрения локальных текстов – вообще вызывающих в последние годы серьёзный научный интерес (упомянем, например, серию конференций и сборников «Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре», издающихся в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете) – как важнейшей категории поэтического мира Ахмадулиной

предопределяет **актуальность** темы данного диссертационного исследования и его **научную новизну**.

Методологическая база исследования вбирает в себя, согласно формулировке во введении, работы по общим вопросам литературоведения, вопросам изучения лирики и изучения творчества самой Ахмадулиной. Вероятно, стоило назвать здесь и работы по проблеме локальных текстов, тем более что фактически исследовательница опирается и на них тоже.

Вынесенные на защиту положения сформулированы чётко и корректно; они соответствуют дальнейшему изложению материала в диссертации и отражают её основную проблематику.

Столь же чётко и продуманно выстроена сама работа, имеющая классическую для диссертационного исследования композицию. Первая глава носит теоретический характер и посвящена категории локального текста вообще. Её первый параграф представляет читателю краткую (и при этом очень насыщенную) аналитическую историю понятий «локальный текст», «сверхтекст» и др. Опорой стали труды В. Н. Топорова, Н. Е. Меднис, А. Г. Лошакова и других исследователей. Рассмотрев концепции «сверхтекстуальности», сложившиеся в последние несколько десятилетий (а прежде не было и самой этой проблемы, если не считать идей Н. П. Анциферова, от которых К. И. Яшина и ведёт резонно отсчёт её истории), автор диссертации приходит к выводам о том, что в изучении этой категории ныне наметился поворот от семиотического её понимания к собственно филологическому, что понятие локального текста в новейших исследованиях выходит за рамки городского пространства, и т. д. Размышления и выводы данного параграфа создают прочную теоретическую базу для научного изложения в последующих главах.

Основателен и предпринятый во втором параграфе этой главы обзор научных трактовок северных (Карелия, Петербург) и южных (Кавказ, Крым) текстов (при этом автор диссертации пользуется понятиями «региональный сверхтекст» и «локальный текст»). Выбор локальных текстов логичен в

перспективе исследования, ибо именно северные и южные топосы займут внимание исследовательницы в главах, обращённых уже непосредственно к поэзии Ахмадулиной. Заметим только, что в формулировке выводов по первой главе (см. с. 72-74) северным текстам посвящены несколько пунктов, между тем как тексты южные «потерялись». Наверное, здесь стоило соблюсти баланс.

Вторая глава посвящена оппозиции Севера и Юга в творчестве Ахмадулиной. Мотивированно отказавшись от рассмотрения крымских мотивов (их у поэтессы сравнительно немного, и они уже проанализированы в специальной работе другого автора), исследовательница обращается в первую очередь к циклу «Сны о Грузии» (это ещё и название целой книги, так что само понятие цикла в данном случае понимается весьма расширительно), предопределяющему собой специфику грузинского текста в лирическом наследии Ахмадулиной. К. И. Яшина справедливо пишет о том, что Грузия притягивала поэтессу ощущением некоторой свободы, создавала эффект «ухода в другую действительность» как «одного из проявлений соприкосновения упорядоченного, выстроенного по законам искусства и общечеловеческих ценностей внутреннего мира поэта с внешним миром, полным социальных потрясений» (с. 84-85). В предложенном К. И. Яшиной анализе «грузинских» стихов Ахмадулиной внимание исследовательницы сконцентрировано, в частности, на оппозиции «свое – чужое», включающей в себя мотивы потерянного рая («Зима на юге»), дома-храма («Симону Чиковани»; может быть, здесь стоило бы проинтерпретировать неожиданное словосочетание-оксюморон «беспечный храм»), а ниже ещё и мотив храма как такового, как «символа древнейшей культуры»; многочисленные пейзажные мотивы, характерные для русского культурного восприятия Грузии мотивы дружбы и душевного родства («Я знаю, всё будет: архивы, таблицы...» и др.). Исследовательница обращается также к мотивам лермонтовским и пастернаковским; восприятие Грузии в лирике Ахмадулиной действительно во многом опосредованно творчеством этих поэтов.

Обращаясь далее к Северному региональному сверхтексту, К. И. Яшина выявляет степень значимости для творчества Ахмадулиной Карельского локального текста. Совершенно справедливо сказано здесь о том, что и Карельский текст имеет для поэтессы свои биографические истоки: в Карелии бывали близкие ей люди – Е. Евтушенко и А. Вознесенский, а Р. Рождественский там даже жил. Отмечает автор диссертации и значимость литературной традиции (Ломоносов, Ф. Глинка и др.). Нам думается, что к истокам Карельского текста в новейшей литературе (и в творчестве Ахмадулиной, в частности) можно добавить песенную традицию. В 60-е годы на эстраде была очень популярна песня «Карелия» А. Колкера на стихи К. Рыжова (1963), звучавшая в исполнении Л. Клемент: в ней – хотя и в упрощённой, конечно, форме – были сформулированы ключевые особенности Карельского текста (его общий «природный» характер, мотивы «дальних краёв», хвойного леса, воды и т. д.). Назовём также и ещё более раннюю песню Ю. Визбора «Карельский вальс» (1954). Вообще в поколении Ахмадулиной именно Визбор наиболее полно и последовательно воплотил Северный текст.

Навеянные поездками в Карелию стихи Ахмадулиной формального цикла не образуют, но К. И. Яшина убедительно говорит об их образно-тематическом родстве. Основанием для этого ей служат осязаемое в стихах влияние культурной атмосферы места («Всё шхеры, фиорды...», «Я – лишь горы моей подножье...» и др.), общие пространственные мотивы, местный колорит, память о советско-финской войне и замалчивании её жертв («Сирень, сирень – не кончилась бы худом...»; замечателен в этом стихотворении образ «белоношного автобуса», который исследовательница очень точно определяет как «автобус-призрак»; нам этот фрагмент стихотворения напоминает, добавим, о стихотворении Лермонтова «Воздушный корабль» и стоящей за ним романтической традиции Цедлица – Жуковского; здесь вообще интересно образное сопряжение разных поэтических и исторических эпох). Любопытны также в этой части работы мотивы «визуального узнавания» пространства – например, в стихотворении «Ночь: белый сонм колонн надводных...», в

котором карельский пейзаж пропущен через историко-культурные мотивы. В его тексте обыграны имена Алисы Коонен и Блока; мы бы добавили ещё реминисценцию из стихотворения Ахматовой «Как люблю, как любила глядеть я...»: «И проносится ветер майский мимо всех *надводных колонн*», - расширяющую северные ассоциации стихотворения Ахмадулиной за счёт петербургского мотива. Впрочем, Петербургский (и производный от него Ленинградский) текст у Ахмадулиной становится предметом специального рассмотрения в следующем параграфе.

Здесь в центре внимания исследовательницы оказывается пушкинский ракурс поэтического восприятия Петербурга. Справедливо отметив, что восприятие северной столицы у Ахмадулиной вбирает в себя опыт разных поэтов (здесь оговорена особая роль творчества Ахматовой), основное внимание К. И. Яшина сосредоточивает именно на пушкинской тематике. Петербург во многих стихотворениях Ахмадулиной действительно во многом окрашен пушкинским колоритом и словно пронизан пушкинским присутствием. Так, очень точно подмечено (на с. 120-121), что появление фигуры Пушкина в «Шуточном послании к другу» органично дополнено ещё характерным пушкинским мотивом метели. Здесь можно было бы добавить, что не случайно такой лирический сюжет связан у Ахмадулиной с Б. Окуджавой (он и есть «друг», к которому обращено стихотворение), своеобразное «пушкинианство» которого известно (см. его стихотворение «Счастливчик Пушкин» и др.) и, думается, входит в интертекстуальный фон «Шуточного послания...» Может быть, стоило остановиться здесь и на символике пути из одной эпохи в другую («Какая долгая дорога из Петербурга в Ленинград»), тем более что в других местах параграфа вопроса о соотношении Петербургского и Ленинградского текстов автор касается.

К. И. Яшина замечает, что в петербургских стихах Ахмадулиной важен не столько поэтический, сколько человеческий облик Пушкина. Но это, как видно из научного изложения, не мешает поэтессе обращаться иногда и к фигурам пушкинских героев. Так, в стихотворении «Ночь на 6-е июня» возникают

прослеженные исследовательницей ассоциации с Гвидоном. Интересны в работе и размышления автора о соотношении стихов Ахмадулиной с «петербургским мифом», с пониманием Петра Первого как строителя «гибельного» города. К. И. Яшина убедительно показывает, что поэтесса полемизирует (например, в стихотворении «Возвращение из Ленинграда») с критическим толкованием Петра и построенного им города, она готова «глаз не отрывать от детища Петрова, гармонию читать во всех его чертах». Отмечается здесь и противопоставление Петербурга Москве, которая связана с понятием дома и, добавим от себя, имеет лёгкий негативный оттенок за счёт последнего слова: «Да надобно домой. Перрон. Подъезд. Чердак». В положительном контексте, как показывает исследовательница, даны у Ахмадулиной и традиционно «негативные» природно-климатические приметы северной столицы (туман, сырость и проч.).

В выводах данной главы, в целом логичных и оправданных, нам показалась не совсем удачной следующая формулировка: «Оппозиция север – юг в творчестве поэта связана с оппозицией центр – периферия. Пространства, находящиеся на периферии, смогли уберечься от гнета, попыток и изменений, поэтому воссоздаются как сакральные локусы, куда стремится лирическая героиня» (с. 135). Но фактически речь идёт о принципиально разных оппозициях, ибо и север и юг – это и есть, по логике К. И. Яшиной, спасительная для сознания лирической героини периферия. Значит, они в данном случае не противопоставлены друг другу, а скорее уравнены.

Третья глава посвящена образу средней России в поэзии Ахмадулиной. Автор диссертации справедливо исходит из поэтического понимания провинции как места творческого уединения, из пушкинского понимания деревни как «нашего кабинета». Это позволяет объединить два таких разных локуса как Таруса и Большое Болдино. Таруса, конечно, – не деревня, но присущие этому городу элементы сельского уклада и его «дачная» репутация вполне позволяют толковать образ Тарусы в том ключе, который предложен нам в этой главе. Кроме того, обоим населённым пунктам – и Тарусе, и

Болдину – присущи мощная литературная энергетика (мы бы напомнили ещё об альманахе «Тарусские страницы», выход которого был большим событием в литературной жизни эпохи Оттепели и история которого поэтессе была наверняка известна) и обаяние «гения места», и это, как естественно предположить и как показано в работе, для Ахмадулиной чрезвычайно важно.

Литературное прошлое Тарусы и её провинциальный облик располагают, по наблюдениям К. И. Яшиной, к тому, чтобы ведущей в Тарусском тексте Ахмадулиной стала (при всей, отмеченной в работе, значимости образов Оки, откоса, откоса...) тема поэтического труда. Таково, например, стихотворение «Луна в Тарусе», в котором автор диссертации слышит переключки с пушкинскими «Стихами, сочинёнными ночью во время бессонницы». Прослежено в данном параграфе и наличие в лирике поэтессы тарусских пространственных координат («Путник»), проявляющих, помимо прочего, ещё и демократичность лирической героини (её дружба с тётей Маней из деревни Ладыжино, и т. д.), которой не мешают характерные для неё аристократизм творческого облика и изысканность слога (достаточно вспомнить программное её стихотворение «Это я»). Конечно, важны для «тарусской» Ахмадулиной и цветаевские мотивы, и в работе это тоже убедительно показано. Раскрыта и значимость автобиографической ситуации эпохи тарусского уединения на рубеже 70-х – 80-х годов (разгром альманаха «Метрополь», отъезд в эмиграцию друзей...).

И, наконец, последний параграф данной главы – и всей диссертации – посвящён образу Болдина в творчестве Ахмадулиной. Сразу отметим особую значимость и органичность этого ракурса темы для нижегородской научной школы: Болдино, окружённое не только поэтической, но и научной аурой, вот уже более полувека является местом проведения постоянных пушкинских конференций; кафедра университета регулярно издаёт сборник «Болдинские чтения». Ключевым моментом в этом параграфе становится эпизод приезда поэтессы в Болдино в 2000 году и её высказывания о Болдине, но поскольку стихов, навеянных этим местом, у неё, по-видимому, нет, данный параграф (в

качестве именно самостоятельного параграфа) несколько проигрывает по сравнению с другими. Впрочем, в качестве своеобразного эпилога работы он воспринимается вполне органично.

В заключение выскажем одно замечание – а скорее, уточнение – общего характера. К. И. Яшина признаёт, что Московский текст, в силу столичной многоликости самого города (по поэтическому выражению А. Кушнера, «Москва – наследница всех, всех эпох») не обладает той ярко выраженной маркированностью, которая присуща текстам региональным и локальным. Специального обращения к Московскому тексту в её работе нет, и это логично: тема и не предполагает такого обращения. Но всё-таки он, как нам кажется, нуждается здесь хотя бы в краткой (на несколько страниц) рефлексии. Ведь Москва остаётся центром биографической жизни поэтессы и поэтической жизни её лирической героини, и остальные локусы сознательно или бессознательно должны с нею соотноситься (об одном московском мотиве мы выше уже упоминали).

Библиография использованных в диссертации источников насыщена и демонстрирует высокую научную эрудицию автора. Думается, стоило включить с список и вышедшую сравнительно недавно и важную методологически книгу В. Г. Щукина «Город и миф. Исследования в области геопэтики». Заметим также, что в обзоре литературы во введении упоминания некоторых исследований сопровождаются подстрочными сносками, а некоторые (большинство) – нет; здесь желательно единообразие.

Иногда в работе встречаются не вполне корректные формулировки, например: «...в 1968 году в издательстве русской эмиграции «Посев» был напечатан сборник “Озноб”, что вызвало критику в обществе» (с. 84). Лучше было бы сказать: вызвали недовольство партийных чиновников и критику со стороны литературного официоза; это ещё не общество. Или: «мотив сна как портала в иную желаемую реальность» (с. 98); слово «портал» кажется нам в данном контексте стилистически не очень уместным. Можно было бы избежать повтора стихотворной цитаты из стихотворения Ахмадулиной

«Таруса» (см. на с. 143-144 и 145). Стихотворные цитаты, размещая их (как это и делает автор) в центре страницы, выравнивать лучше всё же не по центру (см. с. 79, 80 и др.), а по левому краю самой цитаты.

Всё это, однако, – лишь технические детали, которые ничуть не портят общего – безусловно, положительного – впечатления от работы. Не влияют на него и отдельные, высказанные нами выше, замечания и дополнения. Диссертация обладает **практической значимостью**: её материалы могут быть использованы в практике вузовского преподавания, в дальнейших научных разработках проблемы, в создании академической истории русской поэзии минувшей эпохи, которое со временем обязательно будет предпринято. Автореферат и публикации полно отражают содержание работы.

Диссертация К. И. Яшиной представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении учёных степеней, утверждённом Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года, а её автор, вне всякого сомнения, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы ГОУ ВО МО
«Государственный социально-гуманитарный
университет»
КУЛАГИН Анатолий Валентинович

10.01.01 – русская литература

140411, Московская обл., г. Коломна, ул. Зелёная, 30.
ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный
университет», кафедра русского языка и литературы.
Тел. 8-496-610-15-70
E-mail: kaf.rus.gsgu@yandex.ru
«01» февраля 2022 года

